

ЭТА
НЕВЕРОЯТНАЯ
ЖИЗНЬ

1

ЗА 40 ДНЕЙ ДО ЕЕ СМЕРТИ

Я дрожу и ежусь на скамейке, но не прочь немножко померзнуть, потому что занята. На коленях у меня пристроен альбом, в руке карандаш, а с моего места в парке видно здание Парламента. Я сижу, прислонившись к Джеку, который читает книгу. Я полностью поглощена своим занятием, правда, рисую не то, что перед глазами: я уже сделала пару набросков Биг-Бена, но сейчас выходит нечто иное.

— Долго тебе еще? — спрашивает Джек. — Нет, сколько тебе надо, столько и рисуй, но скоро дождь начнется, и...

Он ерзает, оборачивается и заглядывает в мой рисунок.

— О, — говорит он. — Это что, метафорическое толкование увиденного?

— Ну да.

— Элла Блэк заставила меня трястись от холода на скамейке битый час, чтобы нарисовать... Эллу Блэк.

— Никакая это не Элла Блэк.

— Не хочу тебя расстраивать, лапуля, но, по моему, это именно она.

Я смотрю на нее: похожа на меня, но не я. Жаль, что Джек не сообразил, в чем дело, но, впрочем, как

Эмили Барр

бы он догадался. Конечно, если бы я все ему объяснила, он понял бы, но я ничего не объясняла и не собираюсь.

Нервно и коротко смеюсь. Он тоже.

— Как твоя книга? — спрашиваю я.

— Если честно — потрясающе. Апокалипсис в самом разгаре. Слушай, а знаешь, ты права. Это не совсем ты. Точнее, ты, но с бешеным взглядом. Как будто думаешь о том, что люто ненавидишь.

Я смотрю на него. Стараюсь дышать ровно.

— Да, — соглашаюсь я. — Вообще-то да. Так и есть.

— Ты ведь не обо мне думаешь?

Я смотрю на Джека: самый обычный с виду блондин и один из двух моих самых лучших в мире друзей. Честно говоря, кроме него и Лили, у меня и друзей-то нет.

Обожаю его лицо. Обожаю, что мы знаем секреты друг друга. Хотя на самом деле я знаю главный секрет Джека, а он все мои не знает. А может, он тоже доверил мне далеко не все. Скорее всего, так и есть.

— Конечно, не о тебе, балда, — говорю я.

Дождевая капля плюхается прямо на страницу и расплывается по нарисованному лицу. Я захопываю альбом, Джек убирает свой апокалиптический триллер, мы бежим к большому дереву и прячемся под ним, глядя на дождь и на то, как люди открывают зонтики, набрасывают капюшоны, спешат неизвестно куда. А мы ждем, когда дождь немного утихнет, чтобы потом дойти до Трафальгарской площади и успеть на поезд домой, в Кент.

В Лондон мы удрали потому, что начались короткие каникулы. Все утро мы бродили по бесплатным выставкам, потом купили несколько книг, затем ре-

Вся правда и ложь обо мне

шили посидеть в парке, где я попыталась набросать симпатичный вид, а вместо этого нарисовала саму себя с бешеным взглядом — по понятным причинам. И я рада, что все-таки нарисовала.

К тому времени, как мы добрались до Чаринг-Кросса, начался час пик. А мы и не заметили, что уже так поздно, хоть я в буквальном смысле слова почти весь день пялилась на одни из самых знаменитых часов в мире.

— Как-то мы не рассчитали, — замечает Джек.

— И не говори.

Мы стоим и смотрим на толпу в здании вокзала. Здесь не протолкнуться, и не только из-за пассажиров, которые каждый день ездят на работу и обратно (хотя их здесь большинство), но и из-за школьников на каникулах вроде нас с Джеком, которые приехали посмотреть на Лондон, а потом забыли, что уезжать обратно поездом надо или раньше, или значительно позже. Если мы влезем в наш поезд, то доберемся до дома за сорок минут, но без особых удобств. Из нашего городка все ездят на работу в столицу, а после рабочего дня тысячными толпами возвращаются обратно.

На полпути домой у меня начинает звенеть в ушах. Я еду стоя, от Джека меня отделяют два офисных типа, которые сели на Лондонском мосту и до сих пор прикидываются, что они еще на работе. Один, наваливаясь на меня, читает какую-то финансовую муть на своем айпаде. Второй вцепился в поручень хваткой стриптизерши и с важным видом обсуждает по телефону собрание акционеров. А я твержу себе, что в голове звенит лишь потому, что я стою, устала и задолбалась. И даже мобиль-

Эмили Барр

ника нет, чтобы отвлечься, потому что я вчера его посеяла. А с Джеком не поговорить, потому что он слишком далеко. Приходится жить настоящим, а перед глазами все расплывается, потому что я стою, устала и задолбалась. Шепотом пытаюсь себя подбодрить. Никому до меня нет дела. Никто ничего не замечает.

Но когда мы уже бредем к моему дому, я понимаю: плохи мои дела. Напрасно я такое нарисовала. В ушах пронзительно звенит, хоть мы уже на воздухе, держимся за руки и выглядим совершенно нормально. За руку Джека я цепляюсь потому, что иногда ему удается привести меня в чувство. Я стараюсь заставить звон умолкнуть. Вернуть себе равновесие с помощью энергии Джека.

Звенит громче.

Звенит

все

громче и громче.

И хотя я иду к себе домой, хотя я кажусь нормальной, я-то знаю: никакая я не нормальная, мне срочно надо в надежное место, в мою комнату, и закрыть дверь. Сейчас мне обязательно надо побыть одной.

Я сжимаю руку Джека, а он в ответ пожимает мою, потому что понятия не имеет, в чем дело. Трогуар темный от недавнего дождя, тучи снова сгущаются, но пока закат превращает небо в лиловый синяк, и все вокруг смотрится как на картине.

Пожалуйста, уходи, мысленно говорю я. Уходи сейчас же. Вернешься потом, попозже.

Из-за нее перед глазами начинает мелькать пятно — обычно таким способом она заявляет: НИКАКИХ «ПОПОЗЖЕ». СЕЙЧАС.

Вся правда и ложь обо мне

— Знаешь, — говорю я Джеку, — мне надо еще сделать домашку по рисованию.

Я стараюсь дышать ровно, будто все в порядке. Он, похоже, ничего необычного не замечает. Очень хочу узнать, видит ли он что-нибудь, особенно после сегодняшнего, но не спрашиваю, потому что он знает: я не хочу, чтобы он видел.

— Не смею более навязываться художнику, — отзывается он, театральным жестом вскидывает руку и прижимает ладонь ко лбу. — «Мне надо рисовать! Я живу ради своего искусства!» Напекаешь, что мне пора проваливать?

— А ты не против? Я не хотела тебя обидеть.

Давление у меня в голове нарастает. Надо спровадить его. Хорошо бы объяснить ему, в чем дело, но я не могу: не хватает духу. Обычно со стороны кажется, что об меня можно вытирать ноги — хоть затравить, хоть вообще не замечать. Это я стараюсь показать себя в лучшем свете: быть строптивой я не решаюсь, особенно в такие моменты — мало ли что. Девчонка с моего рисунка может вырваться наружу и все испортить. И тогда для меня все будет кончено раз и навсегда.

— Но ты все-таки зайди на минутку, — продолжаю я, чувствуя, как Бэлла внимательно прислушивается к каждому моему слову, — а потом — ладно уж, так и быть, можешь проваливать. Просто мне вообще-то надо закончить картину, а я, знаешь, в таких случаях не очень-то общительная. Только Хамфри кое-как терплю рядом.

Джек смеется.

— Балуешь ты своего кота, — говорит он.

Дождь припускает снова, поэтому мы пускаемся бежать к дому, не расцепляя рук. Проносимся мимо

Эмили Барр

какой-то женщины с длинными растрепанными волосами, сражающейся со своим зонтом, и мужчины, который ведет за руль велосипед, а на спине везет малыша. Малыш машет нам и кричит: «Я намочился!»

Я машу в ответ свободной рукой и чувствую, как Бэлла хватается другой рукой за Джека и старается ударить его током — желает ему смерти, потому что он нормальный и счастливый, а ей кажется, что так нечестно.

На самом деле Джек вовсе не нормальный и счастливый, но по сравнению с Бэллой — вполне. Я его обожаю. Все считают, что он мой парень, но на самом деле нет: он гораздо лучше. И нас обоих все устраивает.

А парень мне не нужен. Мне кажется, я вообще никогда не захочу отношений. Я учусь в пафосной школе для девочек, но большинство наших старшеклассниц живут в мире, в котором все вертится вокруг мальчишек. Это жалко и ужасно бесит, но я не настолько смелая, чтобы заявить об этом в открытую. По правде говоря, если бы я попробовала спорить с ними, сразу выскочила бы Бэлла и отлупила первую попавшуюся служанку огнетушителем, так что, наверное, даже к лучшему, что я держу язык за зубами.

Джеку нравится моя лучшая сторона — то есть единственная, которую он видит. Общение со мной помогло ему во многих отношениях, и на какое-то время он повысил мой статус, так что меня перестали считать мишенью номер один. Но продолжалось это недолго, вскоре девчонки из школы снова начали задирать меня.

О том, что происходит со мной в школе, я Джеку никогда не рассказываю. Он только расстроится

Вся правда и ложь обо мне

и разозлится, но от этого ничего не изменится, разве что счастья в его жизни станет меньше. А я хочу, чтобы Джек был счастлив. Только Лили знает правду и защищает меня, как может.

Когда мы врываемся в дом, мама стоит в прихожей, делая вид, что случайно тут оказалась. Она что-то держит в руках и многозначительно улыбается.

Я приглядываюсь.

— Мой мобильник! — ахаю я, и она, усмехнувшись, протягивает его мне.

— Его кто-то нашел, — объясняет она. — Позвонили из полиции, и я заехала за ним. Правда, думала, что и свой потеряла, но потом нашла. От такого опять начинаешь верить в лучшее, верно?

Мама говорит это просто потому, что так принято: веру она вряд ли утратит. До цинизма и разочарований ей далеко, но она старается всеми силами оберегать нас от любых опасностей, в том числе несуществующих. Я забираю у нее телефон и быстро проверяю: вроде ничего не изменилось, с тех пор как я видела его в прошлый раз — вчера утром, перед тем как потеряла в городе.

Мама вряд ли рылась в нем. Очень на это надеюсь.

Бэлла у меня в голове откашливается, требуя внимания. Я отпихиваю ее в сторону.

Если бы мама испытала шок, случайно узнав из мобильного подробности моей школьной жизни, она выглядела бы по-другому. А она просто рада видеть нас — меня и Джека. Ради нас она живет. Потому и ждет в прихожей, когда я вернусь домой, потому что я — ее жизнь. Стремно как-то. Мне-то, конечно, хорошо, вот только ее жалко, ей наверняка скучно

Эмили Барр

живется. Иногда я пробую представить себе, что у мамы в голове творится то же самое, что и у меня, но ничего не получается. По-моему, нет у нее никакой темной стороны.

Она бы так расстроилась, если бы узнала, что со мной творится. Потому я ничего и не рассказываю ей. А Бэлла в эту минуту настойчиво долбится в мой череп изнутри, значит, мне пора делать ноги.

Едва мы входим в дом, мама запирает дверь за нами на все замки. Во всем мире не сыскать такого же безопасного дома. Сколько я себя помню, главным маминым занятием было оберегать меня. Ей обязательно надо убедиться, что мне ничто не угрожает — ничто, никогда, ни в коем случае. Забавно видеть, как она заметно расслабляется, увидев меня лежащей под одеялом в моей комнате, которая на самом деле — зона повышенной опасности.

Джек улыбается ей.

— Здравствуйте, миссис Блэк, — вежливо произносит он. — Вы чудесно выглядите.

Ей это ужасно нравится. Мама обожает Джека. Хочет, чтобы мы поженились и наделали ей кучу внуков. Милое заблуждение: этому, конечно, не бывать. Я бурчу себе под нос, потому что Бэлла уже у меня в голове и мне сейчас не до разговоров.

— Печеньку? — предлагает мама. — Я как раз испекла. Горяченькие, только из духовки.

Задерживаться ради печенья я не собираюсь, но его можно было бы приберечь для Бэллы — я же знаю, попозже ей наверняка захочется. Конечно, если это не печенье из спелты с бататами, какое мама пекла на прошлой неделе. Такого не захочется никому и никогда.

Вся правда и ложь обо мне

— Да, если можно, — соглашается Джек. Он рассчитывает, что печенье с кусочками шоколада, я-то знаю.

Он сворачивает следом за мамой в кухню, а я — вперед, напрямик в туалет, запираюсь, прислоняюсь к двери и пытаюсь отдышаться. Отделаться надо от обоих. Через несколько минут придется выпроводить Джека домой. Мою голову словно зажали в тиски. Перед глазами пляшут черные пятна.

Джек сидит за столом и заигрывает с мамой. Точнее, оба они заигрывают друг с другом. По-моему, Джек просто прикалывается. А как к этому относится мама, неизвестно. Она усмехается ему, строит глазки, вспоминает свою молодость, а он смеется над ее шутками и говорит ровно то, что она хочет услышать. Никого из них не заботит, что подумаю я, и хотя это полный отстой, я только закатываю глаза и отворачиваюсь.

Печенье с имбирем и изюмом. Почти то, что надо, поэтому я беру три штуки и заворачиваю их в бумажное полотенце.

— Извини, Джек, — говорю я и под маминым одобрительным взглядом подхожу и целую его в макушку. — Пойду порисую. До завтра.

Он смеется.

— Ага, до завтра, Элс. Не буду мешать.

— Да ты и не... — начинает было мама, но я взглядом заставляю ее замолчать, выхожу из кухни, набираю побольше воздуха в легкие и прыжками через две ступеньки несусь вверх по лестнице.

Я закрываюсь у себя в комнате и пытаюсь отдышаться. В голове звенит так громко, что ничего другого сейчас я не слышу и не услышу, даже если

Эмили Барр

сработает пожарная сигнализация или завоет сирена в знак начала ядерной войны. Может, как раз сейчас что-нибудь в этом роде и происходит. Но мне все равно. Я закатываю рукава и разглядываю тонкие полосы на руках. Стыдно. Никогда больше так не сделаю.

Веди себя прилично, говорю я Бэлле.

ВЕДИ СЕБЯ ПРИЛИЧНО, передразнивает она.
ВЕДИ СЕБЯ ПРИЛИЧНО. ВСЕГДА ВЕДИ СЕБЯ ПРИЛИЧНО.

Ой, перестань, пожалуйста.

ПЕРЕСТАНЬ, ПОЖАЛУЙСТА. ПЕРЕСТАНЬ,
ПОЖАЛУЙСТА. ПЕРЕСТАНЬ, ПОЖАЛУЙСТА.

Оставь меня в покое.

ОСТАВЬ МЕНЯ В ПОКОЕ.

Оставь

меня

в покое.

ОСТАВЬ.

Я уже не знаю, где она, а где я.

Прикладываю ладони к щекам и разеваю рот в безмолвном крике, как на известной картине. Я просто хочу быть нормальной.

Испускаю прерывистый вздох, кладу обе ладони на ковер, ощущаю твердый пол и себя в этот момент, себя в собственной комнате. Если за годы я и научилась чему-нибудь, то в первую очередь притворяться, а когда эта дверь закрывается, притворяться мне больше незачем. Можно выплеснуть все наружу.

Я вытаскиваю из-под кровати рисунки. Это скрупулезно выписанные взрывы ужаса. Полные смерти, увечий и кошмаров. Их нарисовала Бэлла, ей нравится разглядывать их. Может, удастся утихомирить ее этим способом.

Вся правда и ложь обо мне

Я зову ее Бэллой, потому что она — моя темная сторона. Элла, но не совсем. Бяка Элла. Бэлла. Я придумала это имя несколько лет назад, и мне чуть-чуть полегчало, потому что раньше я звала ее Чудовищем. Чему угодно можно дать имя, и станет немного лучше. «Бэлла» звучит лучше, чем «Чудовище». В то время я еще не знала, что «Бэлла» значит «прекрасная»: ничего прекрасного в моей Бэлле нет. Наоборот. Но все-таки она Бэлла.

Бэлла лезет вон из кожи, чтобы завладеть мной целиком, а я всегда настороже и старательно отбиваюсь. Иногда приходится выпускать ее, лишь бы избежать взрыва. Мне страшно, но после таких случаев я становлюсь спокойной, умиротворенной и, пожалуй, немножко счастливой. На время все приходит в состояние равновесия. Тогда мы и принимаемся рисовать. Сейчас я смотрю на эти рисунки черной тушью: огромные листы с множеством мелких деталей, как у Иеронима Босха, но с вкраплениями современных реалий. Обезглавленные дети. Повсюду расчлененные тела. Кровь и убийства. Над этими рисунками мы трудились целую вечность, я надеюсь, что никто никогда не найдет их, но они — определенно лучшее, что я когда-либо рисовала.

Но сейчас она не желает разглядывать их. ПО-ПОЗЖЕ, говорит она.

Дышать трудно. В ушах звенит все громче. Я упираюсь ладонями в ковер и напрягаюсь. Вижу, Хамфри ждет. Он всегда приходит, когда появляется Бэлла.

— Съешь печеньку, — в отчаянии предлагаю я, разворачиваю бумажное полотенце и роняю печенье на ковер. Потом хватаю одно и засовываю его в рот, но Бэлла его выплевывает, потому что заметила кое-что получше печенек.